

ЛИЯ АРДЕН

ЗОЛОТО
В
ТЁМНОЙ
НОЧИ

INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А79

Дизайн обложки и внутреннее оформление
Екатерины Тинмей

Иллюстрация на переплете *Дарьи Бобровой*

Арден, Лия.

А79 Золото в тёмной ночи / Лия Арден. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-111953-9

Прошло уже более тысячи лет после великой катастрофы и Чёрной Зимы.

Впервые мир на Континенте трещит по швам, а отношения между четырьмя странами напряжены как никогда.

Ойро всего восемнадцать, и это практически единственное, что она помнит о себе. Шесть лет назад её нашли на Островах, и теперь у неё новая семья, друзья и обычная жизнь. Но странные сны не отпускают её, и пустое прошлое не оставляет в покое. Ойро придётся отправиться в путь, чтобы спасти друга и найти свою настоящую семью.

Успеет ли она или будет втянута в войну между странами? Войну, что зрела тысячу лет из-за секрета, который утаил один из Первых.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арден Л., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-111953-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Prolog

Она уверенно идёт по длинным коридорам, плавно проходя одну комнату за другой. Её шаги мягкие и беззвучные. Она спешит. Единственный источник света — далёкая луна да россыпь переливающихся звёзд на бархатисто-чёрном небе. Их тусклые лучи проникают сквозь высокий стеклянный потолок, но этого недостаточно, чтобы разогнать тени на тёмно-серых каменных стенах, которые кажутся чёрными. Девушка хорошо знает путь и даже в этом сумраке легко минует ступени, помня каждый поворот.

От ночной прохлады кожа покрывается мурашками под лёгкой тканью шифонового платья. Полу-прозрачные рукава совсем не греют, и девушка мысленно радуется тому, что оставила длинные волосы распущенными. Тишину нарушает только шелест юбок, которые волнами струятся следом. Всё это время она держит руки сложенными на животе, не меняя положения. Голова высоко поднята, тёмные локоны рассыпаны по спине, лоб украшает простая тиара из красного золота. В центре диадемы переливается перевёрнутый полумесяц, обрамлённый маленькими кристаллами. Довольно скромное украшение, но именно его девушка любит больше всего.

Она минует последний поворот и проходит через огромные деревянные двери. Как и ожидалось, он здесь. В малом зале. Он всегда приходит сюда ночью, спасаясь от бессонницы или желая подумать. Вот и сегодня он здесь: стоит вполоборота от входа, держа руки за спиной.

Темноволосой девушке тоже нравится малый зал. Это место создано для членов семьи и Совета. От дверей через всё помещение стелется светло-серый ковёр, а на небольшом возвышении располагается обманчиво простой чёрный трон, который в скудном освещении не представляет собой ничего особенного. Однако, по преданию, престол был создан из вулканического базальта и осколков упавшей Звезды, которые предки собрали после её крушения на их земли. В более пышном и праздничном большом зале стоит ещё один такой же трон: настоящий, более крупный и величественный.

Их предки возвели престол из того, что почти уничтожило всех. И воссели на него правители людские, доказывая и напоминая потомкам, что и эту напасть им удалось победить, а значит, нет ничего неподвластного нам.

Стены и колонны малого зала украшает резьба по камню и узор, сложенный из разноцветных плиток, покрытых эмалью. Маленькие кусочки кропотливо собраны лучшими мастерами. Помещение освежают невысокие деревья, высаженные вдоль одной из стен. Самое же притягательное в этой комнате — пейзаж, который нельзя найти больше нигде. Только здесь, в малом зале, где стеклянный потолок плавно переходит в прозрачную стену, для каждого вошедшего открыва-

ется прекрасный ночной вид на высокие барханы. Их величие простирается далеко за пределы горизонта всё под тем же покрывалом сверкающего неба. Сегодня оно особенно красиво переливается всеми оттенками: от глубокого чёрного до синего и фиолетового.

После недавней бури намело много песка. Днём ветер яростно швырял его о стены и сам разбивался о стеклянную преграду. А сейчас, успокоившись, оставил заносы мирно лежать застывшими волнами.

Здесь светлее, чем в коридоре. Девушка проходит в зал и боковым зрением замечает едва уловимое движение рядом с левой стеной, среди теней от колонн. Значит, они тоже здесь. Два генерала. Два их лучших друга, их семья и свита. Они все росли вместе. Генералы всегда рядом, но девушке легче, если они приглядывают за объектом её поисков.

— Конечно, ты здесь, — она встаёт рядом с молодым мужчиной.

— Где же мне ещё быть? — ласково улыбается он в ответ.

— Например, со своей невестой. Только вчера мы праздновали вашу помолвку, а сегодня ты уже избегаешь её, — она хмурит брови и упирается взглядом в профиль собеседника.

Его глаза всё так же устремлены вдаль, но она уверена, что он прекрасно чувствует её пристальное внимание. Действительно ли он смотрит на песчаные волны или же вспоминает картины из прошлого?

— Я не избегаю её, а чту традиции, — улыбнувшись, он бросает на девушку косой взгляд

и приобнимает за плечи, прижимая к себе. — До свадьбы мы не должны видеться, ты же знаешь. Теперь... кто, как не мы, сохранит наши пусть и странные, но всё-таки обычаи?

Девушка фыркает, не особо веря его оправданию. Уж кто-кто, а он никогда не был ярым приверженцем традиций, и тем более не следовал их точному соблюдению.

— Рассказывай. Я прекрасно вижу, как вы что-то обсуждаете по углам! — Она произносит эти слова достаточно громко, оборачиваясь назад и кидая неодобрительный взгляд в сторону стоящих у дальней стены. Они и так всё слышат, но она хочет быть уверена.

В ответ раздаётся лишь шуршание и неловкое покашливание. Молодой мужчина убирает ладонь с плеча девушки и вновь заводит руки за спину, выпрямляясь.

— Мы никогда не хранили секретов друг от друга и не будем начинать делать это сейчас, — говорит она твёрдо.

— Да, ты права... — он замолкает, задумавшись.

Она терпеливо ждёт, зная, что он всё расскажет как есть. Внимание девушки привлекает одинокое облако, которое на мгновение успевает закрыть собой серп луны. В отличие от дневного времени сейчас на фоне прекрасного звёздного неба белоснежное облако кажется грязновато-серым.

— Каидан зашевелился. Возможно, те бредовые донесения, которые мы слышали от разведчиков, не такая уж и чушь. По крайней мере, нам стоит приготовиться. Даже если у них другие планы, всё равно цель — именно мы. Либо он попы-

тается одолеть нас мечом и кровью, либо захочет сразу вырвать нам сердце, — молодой мужчина продолжает смотреть вдаль, сверкая светлыми глазами.

При этих словах руки девушки сами собой сжимаются в кулаки, а сама она стискивает зубы, чтобы приглушить нарастающую в душе бурю.

— Думаешь, он знает?

— Полагаю, только догадывается. Но он оказался безумнее, чем все его предшественники.

— Если донесения разведчиков правда... — она запинаясь, во рту вдруг пересыхает, а язык становится вялым. Она уже обдумывала этот план, но не решалась озвучить его вслух до нынешнего момента. — Если это — правда, то лучшим вариантом будет, если я соглашусь на их условие...

— Нет, — отрезает он, едва собеседница заканчивает фразу.

— Если начнутся столкновения, то будут и потери. Мы не можем себе этого позволить! Ты сам знаешь. Если это правда, то лучше согласиться на...

— Нет!

Молодой мужчина резко обрывает девушку на полуслове, в этот раз даже не дослушивая её до конца. Его голос эхом отражается от стен, резонируя по венам. Он сказал это достаточно громко, давая понять, что не будет даже и близко рассматривать этот вариант. Беспрекословный. Это ли голос её будущего короля? Движения у стены прекращаются, и на малый зал опускается тяжёлая тишина.

Шумно выдохнув, молодой мужчина разворачивается к девушке и, взяв её за плечи, заставляет посмотреть в его светлые глаза.

— Нет, — повторяет он, но уже мягче.

Она только сейчас замечает, что его тёмные волосы заметно отросли и уже лежат на плечах. Корона будет прекрасно смотреться на его голове. Девушка мягко улыбается своим мыслям, а он принимает это за знак, что она больше не будет думать об этой бессмысленной затее.

— Хватит с нас жертв, сестрёнка, — он ласково поглаживает её волосы широкой ладонью.

Он не может скрыть тень грусти, которая пробегает по лицу. Хотя уголки его губ всё ещё подняты в мягкой улыбке, но глаз она так и не касается. Наверное, он думает, что сестра не замечает, как он избегает зрительного контакта. Такие моменты, как сейчас, — редкость. Она знает, что чувствует брат. Ей тоже по-прежнему тяжело смотреть на своё отражение каждое утро.

— Да, эти идиоты ослабили нас, сами того не зная. Но у нас всё ещё есть мы. И мы будем стоять до конца, ибо на нашей стороне Ночь, и я уверен, что когда придёт время, она нам поможет, — голос будущего короля твёрд и полон надежды. — Вспомни, сестра, что мы, как и наш Первый, не преклоняем колени перед захватчиками. Мы выстоим, все как один. А если же падём, то только все вместе.

Его глаза горят лихорадочным блеском, в них отражается уверенность. И сейчас, впервые за многие годы смирения, в её душе начинает разгораться огонь. Она по-настоящему злится. Она тоже устала спускать им всё с рук. Дверь, за которой все эти годы прятались обида, ненависть и отчаяние, наконец распахивается. Распахивается и даёт этим чувствам пядь за пядью заполнить душу девушки.

Молодой мужчина замечает, как милое личико сестры мрачнеет, а глаза наполняются злыми слезами. Чувствует, как напрягается её хрупкое тело, наливаясь остатками силы, что им досталась.

Неполные.

Да спасутся души тех, кто по незнанию встанет между ними и их мезтью, данной им по праву. И видят звёзды, не они это начали! Они старались избежать этого пути, даже когда должны были первыми хватать мечи и оставлять за собой кровавые следы. Но они молчали ради других, глотали свою горечь и пытались сгладить углы.

Они промолчали раз.

Они промолчали два.

Третьего раза не будет.

— Возможно, это судьба, сестрёнка. Сам ветер шепчет, что пора нам собирать долги.

Его губы растягиваются в хищной, больше похожей на оскал, улыбке. И девушка отвечает ему точно такой же.

Третьего раза не будет.

Глава 1

Это неправильно.

Всё это кажется абсолютно неправильным. Красное наливное яблоко должно было упасть, но почему-то на несколько мгновений зависает в воздухе и только потом, словно вспомнив о гравитации, всё-таки летит на пол.

Наконец у меня получается оторвать взгляд от непослушного плода и посмотреть на себя в зеркало. В комнате стоит полумрак, и лишь через небольшое окно слева пробиваются первые лучи утреннего рассвета. Я бросаю взгляд на своё помятое после сна лицо. На щеке заметен след от подушки, длинные чёрные волосы растрёпаны, а глаза всё ещё кажутся сонными. Особенно левый, светло-серый. Обычно у серого цвета есть тона, уходящие в синий или фиолетовый, но не в моём случае. Радужка левого глаза действительно серая, будто не осталось даже намёка на оттенок. Из-за этого белок смотрится более красным, чем у правого — тёмно-карего. Глаза разного цвета — дефект, который у меня столько, сколько я себя знаю. Изъян, который притягивает к себе чужие взгляды и заставляет слушать перешёптывания за спиной. Иногда даже приходилось отма-

хиваться от надоедливых вопросов незнакомых людей. Чтобы избежать подобного внимания, я капаю себе в левый глаз особую настойку, которую целители из ближайшего храма на Континенте приготовили специально для меня. Под воздействием этой настойки серая радужка на время приобретает карий оттенок. Правда, эффект держится недолго: около тридцати часов, а иногда даже меньше.

Пару раз сонно моргнув, я снова смотрю на себя в зеркало и, прежде чем наклониться над ёмкостью с водой, чтобы умыть лицо, замечаю, что отражение меняется. Нет ни ряби, ни помутнения. Просто оно вдруг насмешливо наклоняет голову, а губы медленно растягиваются в улыбке. По спине тут же пробегает дрожь, а руки покрываются гусиной кожей. В испуге я резко отшатываюсь от зеркала и пячусь назад. Больно наткнувшись поясницей на угол комода, я слышу, как с него падают на пол несколько банок, но они не разбиваются. Я продолжаю широко раскрытыми глазами смотреть на своё отражение в зеркале, которое так и застыло с улыбкой на лице.

Нет-нет-нет. Это неправильно!

А потом видение вновь меняется и задумчиво моргает.

Раз.

Два.

Насмешливая улыбка сползает с лица, обнажая тень страха в глазах. По моему телу вновь проходит волна дрожи, и на этот раз я открываю глаза по-настоящему, по-прежнему лёжа в своей кровати.

— Меня зовут Ойро. Мне восемнадцать лет, и я... больше не одна... я не одна... не одна... —

я шепчу эти слова себе под нос, повторяя их снова и снова, так тихо, что сама едва слышу, что говорю.

Вдох. Выдох. Вдох.

Каждый раз после очередного кошмара, когда я просыпаюсь в темноте, мне нужно напоминать себе об этом. Напоминать о том, что я в безопасности. Понять, что я всё ещё помню своё имя. Меня до сих пор бьёт дрожь, но мысли начинают успокаиваться.

Я продолжаю тихо повторять эту избитую фразу до тех пор, пока дыхание не восстанавливается, а руки не перестают судорожно сжимать край одеяла.

Напоминать себе своё имя стало привычкой с двенадцати лет, когда я потеряла память. Тогда я очнулась одна в темноте, мучаясь от боли, и ничего не помнила, кроме своего имени и возраста. Иногда этот страх снова берёт надо мной верх, и мне становится невыносимо от мысли, что я могу потерять даже эти крупинцы информации. Мне страшно проснуться однажды и понять, что я забыла своё имя.

С тех пор прошло уже шесть лет, а воспоминания ко мне так и не вернулись. Кто я? Где мой дом? Живы ли мои родители? *Искал ли меня хоть кто-нибудь?*

Откинув лёгкое покрывало, я поднимаюсь с кровати, быстро осматриваю спальню и задерживаю взгляд на окне. Сквозь полупрозрачные чёрные занавески проникают первые лучи поднимающегося солнца. Комната у меня скромная: с одной стороны стоят кровать и сундук с одеждой, а с другой — стол, на котором всегда громоздятся стопки беспорядочно сложенных книг.

Я люблю читать. Иногда мне кажется, что я успела перетащить сюда все книги, которые только можно найти у нас в доме.

По другую сторону от стола находится дверь. Она ведёт в небольшое помещение, где я обычно умываюсь и привожу себя в порядок. При виде висящего там злополучного зеркала из ночного кошмара по спине вновь пробегает холодок, но я сжимаю кулаки и заставляю себя посмотреть в него, потому что бояться собственного отражения — это глупость. К моему облегчению, сейчас зеркало и отражение абсолютно обычные, какими и должны быть.

Умывшись прохладной водой, приготовленной с вечера в кувшине, я расчёсываю волосы. На мгновение задумываюсь о том, не стоит ли их подстричь, так как они отросли до середины спины. Однако забываю об этом, когда капаю пару капель настойки в левый глаз. Опершись ладонями о край металлического умывальника, наблюдаю, как серый цвет меняется на карий. Я внимательно рассматриваю своё лицо и всё пытаюсь понять эти странные сны с отражением. У меня достаточно большие, но при этом глубоко посаженные глаза. Прямой, аккуратный нос и в меру пухлые губы. Из-за наклона бровей моё обычное выражение лица можно назвать хмурым или излишне серьёзным. Хотя это даже на руку, потому что я предпочитаю, чтобы люди считали меня неприветливой особой и как можно реже обращали внимание. Мне не нравится, когда ко мне вдруг подходят незнакомцы с навязчивыми разговорами.

Настойка подействовала, и сейчас мои глаза кажутся одинаковыми и совершенно обычными.

А меня можно назвать если и не красивой, то хотя бы достаточно привлекательной. Я бы предпочла всегда так выглядеть...

— Ты весь день будешь на себя смотреть или всё-таки позавтракаешь с нами? — В дверях появляется Лайла Сесциа. Моя приёмная мать. Несмотря на приближение к сорокапятилетней отметке, она по-прежнему бодрая, жизнерадостная и обладает крепким здоровьем, а седина хоть и тронула почти треть её чёрных волос, карие раскосые глаза блестят всё так же ярко, с вызовом. Сама Лайла очень стройная и миниатюрная женщина. Несмотря на уже заметную паутинку морщин вокруг глаз, она явно готова потягаться со своим возрастом. И ещё неизвестно, кто кого одолеет.

— Иду. Ты снова приготовила мои любимые вафли?

— Конечно! Мы с тобой можем их есть хоть каждый день. Только из-за твоего отца приходится иногда их с чем-то чередовать, — усмехается она мне в ответ.

Мы с Лайлой проходим на кухню, где застаём Роя Сесциа, пока тот неохотно ковыряет свой завтрак в виде пышной вафли, политой вишнёвым вареньем. По его хмурому выражению лица и страдальческой гримасе становится ясно, что завтра утром мы будем есть что-то другое. Скорее всего, яйца, кашу или хотя бы грибной суп с хлебом. Не в силах сдержаться, я едва слышно хмыкаю, но под тяжёлым взглядом приёмного отца тут же кошусь в окно и прикрываю рот рукой, делая вид, что у меня першит в горле.

Рой лет на пять старше Лайлы, и они полные противоположности. Высокий мужчина давно не

стригся, отчего его волосы почти доросли до плеч, и сквозь седину можно заметить, что раньше он был светлым блондином. Голубые глаза лишь немного потускнели с возрастом, но взгляд остался всё таким же внимательным, подмечающим любые мелочи. Как правило, он носит аккуратную бороду, но за последние несколько дней она отросла длиннее обычного. Годы же практически не властны над крепким телом бывшего капитана королевской гвардии. О его предыдущей профессии напоминают шрамы на руках и ещё один, едва заметный, — на скуле под левым глазом. За это лето Рой сильно загорел, и его от природы светлая кожа приобрела красивый бронзовый оттенок, отчего белая полоска старого рубца сейчас выделяется сильнее обычного.

Один из самых жутких шрамов виден у него сбоку на шее. Он очень старый, но, вероятно, та рана была настолько серьёзной, что даже годы не смогли сгладить след. Иногда я задаюсь вопросом, связано ли это ранение с причиной его ухода из армии? Или всё же это была случайная травма?

Рой и Лайла. Помимо разницы во внешности, они также привлекают к себе внимание тем, что любят друг друга и состоят в браке, будучи представителями разных стран. Он каиданец, а она теялийка.

На Континенте людям из разных стран давно запретили жениться, и обойти этот закон можно, только доказав отсутствие Дара или других магических способностей. И пройдя такую проверку, после вступления в брак любящие пары всё равно обязаны перебраться жить на цепь островов, у которых даже нет своего названия. Их так и окре-

стили: «Острова». Отчасти это похоже на ссылку из родных краёв, на изгнание вдали от близких. И далеко не все готовы идти на такие жертвы ради любви.

Иногда мне интересно, что Лайла и Рой оставили позади? Были ли у них семьи? Сожалеют ли они о своём выборе? Потому что теперь дорога назад им закрыта. Они могут посещать Континент, но ненадолго. Острова — их единственный дом, который они не в состоянии покинуть. Мы уже шесть лет вместе, а я ни разу не осмелилась задать эти вопросы вслух.

Мне известно только о дальнем родственнике Лайлы, что занимается целительством. И то про него рассказали лишь потому, что он должен был сделать настойку для моего глаза.

— Давайте уже покончим с вафлями на завтрак и перейдём на что-нибудь другое, — слегка кривится Рой.

Я сажусь на скамью рядом и ободряюще хлопываю его по плечу. Тяжело не улыбаться, глядя на то, с какой печалью он смотрит на свою порцию. Похоже, жить с двумя женщинами, любящими сладкое, не такое уж и лёгкое дело.

Приёмные родители мне нравятся. Хотя нет, не так. Я полюбила их. Они заменили мне настоящую семью, а я, как мне кажется, помогла им справиться с их утратой.

Когда-то у Роя и Лайлы была дочь, но после своего седьмого дня рождения она заболела и начала стремительно чахнуть. На Островах есть лекари, но настоящие целители живут на Континенте, куда можно попасть на корабле. Он курсирует раз в неделю, несмотря на то что путь занимает всего

один день. Когда Рой и Лайла всё-таки прибыли на Континент, девочке уже никто не мог помочь.

Через год в трюме такого же корабля, который причалил к берегам главного острова, безутешная мать нашла меня: напуганную, вымазанную в грязи, с засохшими кровоподтёками, синяками и помнящую лишь своё имя и возраст. По её словам, я пряталась в самой темноте за ящиками с провизией и мешками с зерном. Лайла рассказывала, что я сидела, почти не моргая и не плача, застыв, как изваяние. Даже заметив мои разные глаза, теялийка не испугалась.

Ни один из народов подобные изъяны не любит. Скорее всего, многие бы на её месте решили, что я проклята или могу навести порчу на всю их семью, и вряд ли бы прикоснулись ко мне, не говоря уже о том, чтобы попытаться помочь. Лайла же накинула на меня свой плащ и, когда стемнело, увела с корабля, монетами купив молчание нескольких моряков. Но потерянная память ко мне так и не вернулась. Все эти годы я заменяла приютившей меня паре дочь и была благодарна за спасение и за доброту, которой они меня окутали, подарив родительское тепло.

Обычно после завтрака Лайла занимается своей скромной пекарней, а мы с Роем помогаем. Хотя помощники из нас плохие, потому что мы оба не любим готовить. Приёмный отец также занимается охотой и рыбной ловлей — часть мы оставляем себе, а часть продаём на рынке. Несмотря на, казалось бы, жестокие правила вступления в брак между жителями разных стран, желающие всё-таки находятся. И достаточно много, чтобы основное поселение постепенно разрослось до

небольшого города со своей главной площадью, садами, несколькими рынками и портом.

Сами Острова являются скоплением кусков земли над поверхностью воды, и тот, на котором обитаем мы, — центральный и самый крупный. Здесь протекает вся основная торговля. Это приятное место для проживания: умеренно тёплый климат, в основном территории покрыты зелёными холмами, но также есть невысокие горы и пышные леса. Почва тут плодородная, достаточно места для охоты, и поблизости водится много рыбы.

Основной Город, раскинувшийся на западной части побережья, тоже не имеет названия и вмещает жителей со всех четырёх стран Континента. Здесь можно встретить абсолютно все культуры и народы.

Высокие и светловолосые каиданцы, как Рой, чаще всего немного хмурые и порой чересчур серьёзные. Вероятно, их характер сформирован холодным климатом родного *Kaugána*, который расположен на самом севере Континента и считается единственным местом, где можно наблюдать смену всех четырёх сезонов, а зимой даже бывают метели. На Островах же если и выпадает снег, то очень редко и долго не лежит. Обычно он тает, как только касается земли. Несмотря на разногласия между народами, моя мечта — когда-нибудь увидеть снежную зиму и узнать, действительно ли из-за него мир становится белым. Правители этой страны делают упор на армейской подготовке. Именно Каидан выполняет роль мирового судьи и больше всех выступает за соблюдение закона о запрете браков, строго следя за его исполнением.